

УДК 821.161.1

**БЫТОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ОБРАЗЦОВ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО КАНОНА**

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 16-18-02032)*

В. В. Фёдоров

Челябинский государственный университет, г. Челябинск.

В статье рассматриваются эстетические и языковые трансформации в современной русской литературе. Автор исследует ключевые тенденции при интерпретации классики XIX века писателями в контексте социокультурных и ментальных изменений. К числу основных факторов можно отнести борьбу с социалистическим реализмом, который стал идеологическим фильтром при восприятии классических образцов. Идентификация в постсоветском литературном процессе, по мнению автора, шла по пути деконструкции соцреалистического варианта классического канона.

Ключевые слова: современный литературный процесс, классика, соцреализм, идеологический фильтр, языковые трансформации, эстетическая деформация.

Очевидно, что проблема перевода связана не только с вопросами межкультурной коммуникации как языковой проблемы, но и переводом в рамках новых художественных принципов «классической» культуры для потребителей, существующих в новой эстетической парадигме. Профессор М. В. Загидуллина, исследуя феномен ремейка в новейшей отечественной словесности, отмечает закономерность художественной транслитерации: «Определение ремейка как литературного жанра достаточно простое: это переписывание известного текста, чаще всего – «перевод» классического произведения на язык современности» [2]. Таким образом, мы можем говорить о двух видах перевода: горизонтальном – охватывает межнациональный аспект, с одного языка на другой, и вертикальном – внутри самой культуры, связанном с изменениями социальных, политических и иных факторов среды. Возникает «разрыв», который приводит к «двуязычию»: сосуществованию классического канона и актуальных практик, восприятие классических образцов в массовом сознании и элитарном (профессиональном).

В свое время Юрий Тынянов в работах «О литературной эволюции» и «Литературный факт» описал в национальном контексте механизм такого развития литературного процесса как борьбу с традицией, рождение нового из отступлений, его переход с «обочины»: «В эпоху разложения какого-нибудь жанра – он из центра перемещается в периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин wpłyвает в центр новое явление <...> Ускользало то, что каждое новое явление сменяло старое и что каждое такое явление смены необычайно сложно по составу; что говорить о преемственности приходится только при явлениях школы, эпигонства, но не при явлениях литературной эволюции, принцип которой – борьба и смена» [10].

В таком свете литературная эволюция обнаруживает действие двух противоположных законов: статичности и динамики: «В составе культуры (искусства и литературы – в частности) различимы явления индивидуализированные и динамичные – с одной стороны, с другой же – структуры универсальные, надвременные, статичные, нередко именуемые топикой

<...> Топика разнообразна. Неизменно присутствуют в литературном творчестве типы эмоциональной нравственности (возвышенное, трагическое, смех и т. п.), нравственно-философские проблемы (добро и зло, истина и красота), «вечные темы», сопряженные с мифопоэтическими смыслами, и, наконец, арсенал художественных форм, которые находят себе применение всегда и везде» [11].

Таким образом, мы наблюдаем целостность национального литературного процесса и включенность классики в современность (в виде отдельных образцов), актуализированный перевод ее для нового потребителя.

Однако важнейшим компонентом описанного феномена является идеологический фильтр, который и определяет пути эволюции, то есть отбор той или иной топики, ее перевод на современный язык. Понятие «идеология» в своем первичном значении не имело отрицательных коннотаций, оно обозначало привала и принципы, определяющие отношение человека к действительности, к реальным жизненным практикам. Идеология должна была стать наукой о «о всеобщих и неизменных законах образования идей, их трансформации, влиянии на жизнь отдельных социальных групп, классов, сословий» [4]. Традиционное определение также связано с констатацией системных принципов, организующих восприятие и оценку действительности: Идеология – «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» [5].

Идеологическим фильтром восприятия классического канона стал социалистический реализм как официальный государственный художественный метод. Соцреализм, используя классику, транслировал свои собственные эстетические и художественные принципы, выполнял государственный заказ. Литература стала частью государственной машины, ей было поручено вести пропаганду и воспитание настоящего гражданина, человека с государственным мышлением (об этом свидетельствует опыт практики преподавания литературы в школе и университете, премирования, формирования национального пантеона). В этом смысле теория и практика соцреализма во многом коррелирует с эстетикой и поэтикой классицизма. Об этом говорит А. Синявский (Абрам Терц): «Социалистический реализм исходит из идеального образца, которому он уподобляет реальную действительность. Наше требование – «правдиво изображать жизнь в ее революционном развитии» – ничего другого не означает, как призыв изображать правду в идеальном освещении, давать идеальную интерпретацию реальному, писать должное как действительное. Ведь под «революционным развитием» мы имеем в виду неизбежное движение к коммунизму, к нашему идеалу, в преобразующем свете которого и предстает перед нами реальность. Мы изображаем жизнь такой, какой нам хочется видеть и какой она обязан стать, повинувшись логике марксизма» [9. С. 71–72].

Таким образом, соцреализм идет не от жизни, не от опыта простого человека, а от установленного идеала (государственного, политического, нравственного и т. п.). Соцреализм устанавливает стабильность, порядок во всем. Сама действительность должна быть в литературном отражении гармоничной, прославляющей сотворенный идеал. Дискурсивные правила соцреализма требуют четкой языковой, художественной и эстетической иерархии, диктуют норму: «Всякий стиль имеет свой штамп. Но классицизм, по видимому, более других склонен к штампу, к педантичному соблюдению определенных норм и канонов и консервативности формы. Это один из самых устойчивых стилей. Новшества он переносит и принимает главным образом в момент своего возникновения, а в дальнейшем стремится верно следовать, установленным образцам, чуждаясь формальных исканий, экспериментаторства, оригинальности» [9. С. 76].

Однако соцреализм канонизировал и классику девятнадцатого века, проведя идеологическую, эстетическую и художественную селекцию (всем известное ранжирование

персонажей, конфликтов и форм, основанное на эстетике Белинского и Чернышевского, революционно-демократической критики). Официальный советский метод переводил классические образцы для выражения своей семантики, отбирал те элементы поэтики, которые приспособлял для воплощения утвержденного им идеала.

В рамках такого подхода специфические особенности современной русской литературы получают свое закономерное объяснение. Хаос, снятие нормативности выступают, по нашему мнению, реакцией на соцреалистическую догматику, а вольное обращение с классическими образцами может восприниматься как очищение от чуждой идеологии, «неродной» семантики. Конечно, важнейшую роль здесь сыграли соц-арт и постмодернизм, но из-за обширности этого вопроса оставим за скобками рассмотрение проблемы соцреализма и постмодернизма.

Таким образом, мы обратимся к проблеме языковой трансформации и эстетической деформации классических образцов, которые произошли в условиях деконструкции соцреализма.

Русская литература 1990-х годов активно обращается к литературному багажу XIX века, но очень часто воспринимает его через интерпретационную модель соцреализма (критика, литературоведение, школьная практика, в рамках других искусств – кино, театральные постановки, массовое искусство). Современный писатель пытается перевести классику по-новому, адаптировать к изменившейся реальности.

Рассмотрим два типа «переводов» классики в рамках российской современной литературы. С одной стороны, это вторичные операции с классическим текстом, с другой стороны, «перевод» традиции в новый контекст при создании оригинальных произведений. Здесь нам представляется обширный материал, который нельзя обозреть в одной статье, поэтому мы предлагаем аналитический обзор наиболее ключевых тенденций.

Вторичные операции с классикой подразумевают трансформацию, игру с классическим произведением, его пародирование, перевод в другую знаковую систему. Цели здесь могут быть самые разные – спор с классикой, «игра в осколки» старой культуры, сознательная вторичность как реакция на норму. В различных источниках выделяют разные типы конверсии: сиквелы, приквелы, ремейки, фанфики, комиксы (графический роман).

Удивительно, в этой вторичной оболочке обнаруживаются современные принципы восприятия литературы. Интересен сам факт отбора, перевода и интерпретации классических текстов. Общая тенденция отражает переход от канонической модели восприятия классики к ориентации на стихийную практику аудитории (представления реципиентов о жизни, нормах поведения становятся эстетической базой для переделки). Мы наблюдаем, как расшатывается вербальная система, используются визуальные образы, то есть сочетание картинки и текста, акцент делается на языковой игре – обыгрывание классической нормы (каламбур, стилистический диссонанс), интертекстуальность, авторы используют стереотипы и клише, характерные для языка массовой культуры, происходит варваризация (неологизмы и кальки). Отдельный вопрос – снижение лексического порога и проникновение нецензурной и разговорно-просторечной лексики. Современная литература, существуя на обломках старой идеологии, избирает эстетический принцип множественности как компромисс между свергнутой догмой и полной анархией: «Речевой этикет в такой (множественной и многослойной) системе координат – совершенно закономерное явление. Стремясь передать картину мира, запечатленную современным сознанием, художественное слово активно вбирает в себя и просторечие, и жаргон, и канцеляризм, и экспрессионализм, и собственно книжную лексику, образуя своеобразный лексический коллаж...» [8, 2003. С. 17]. М. И. Громова приводит такое определение языка драматургии «новой волны», заимствованное у критика Н. Агишевой: «Магнитофонная драматургия...» [1. С. 93], то есть натуралистический язык, городской жаргон. Можно говорить о генеральной тенденции в вербальном строе художественной и публичной коммуника-

ции, которая отмечена многими лингвистами: «Одной из наиболее значимых в современной публичной речи риторических категорий является разговорность, которая входит в понятие современного риторического идеала» [3. С. 5]. Разговорность становится знаком близкого, искреннего общения в противовес официальному – «ложному», а также выполняет функцию доступного объяснения абстрактных феноменов.

С другой стороны, ориентация на практику, а не на канон наблюдается и в жанровых номинациях самих текстов. Так, Т. Н. Маркова пишет, что все чаще появляются произведения с авторским указанием жанра, «которое уточняется при помощи эпитетов, дополнений и которые придают названию «эксклюзивный» характер» [7, 2009. С. 117].

Остановимся на самых известных проектах: Катя Метелица «Анна Каренина by Leo Tolstoy. Комикс». Само жанровое определение устанавливает горизонт ожидания, стратегию «перевода»: выбираются сюжетные и мотивные связки, которые понятны современной массовой культуре (телевидение, светская журналистика, женские романы). Автор сознательно упрощает романский текст, вводит его в другой семиотический код – телевизионных сериалов, женских романов. Мы наблюдаем то, чего жаждет средний потребитель, при этом сохраняется классический миф о светском обществе, несчастной любви – традиция живет. Вместе с тем лексический строй нарушается частым использованием американизмов, опираясь на медийный дискурс, а вербальный знак заменяется картинкой (эпизод с грушей в комиксе представлен в виде картинка, а не словесного описания), синтаксический период сокращается до реплик. Однако за формальными преобразованиями мы можем отметить и деформацию эстетических принципов: сюжет и язык очищены от идеологических коннотаций, которые этому роману придавал соцреализм. Теперь это просто история любви, рассказанная обыденным для массового читателя языком. Сюжет «свернут» до некоего архетипа, в котором актуализируются эмоционально-чувственная сфера и медийный опыт реципиента, а не проблемы земельной реформы или изменения государственного устройства, философские поиски.

Другое знаковое произведение в этом отношении – пьеса-ремейк Бориса Акунина (Григория Чхартишвили) «Чайка». С одной стороны, мы наблюдаем игру с классикой, ее пародирование, а с другой – перед нами развитие традиции на новом этапе. Исследователи творчества Б. Акунина акцентировали внимание на деконструкции «чеховского текста», но в ремейке есть и подхват традиции.

Событийный ряд пьесы строится как продолжение классического текста, расследование убийства. Композиция организована по принципу повтора дублей в киносьемочном процессе, в каждом из которых представлена новая версия убийства. Во-первых, повтор – излюбленный композиционный прием А. П. Чехова, с помощью которого он создавал и драматические тексты, и прозаические. Художественная семантика этого композиционного приема имеет несколько функций: сотворение абсурдности, иронии в тексте (особенно ярко это проявляется в ранних юмористических произведениях). Во-вторых, действующие лица в пьесе-ремейке Б. Акунина карикатурны, травестированы и смешны, воплощают какую-то одну черту стереотипного характера массовой литературы (помешанная влюбленная, мстительница за поруганную честь, сумасшедший старик, блудница, изнеженный представитель богемы), но только с узнаваемой для современной аудитории характеристикой. Здесь перед нами следы различных дискурсов, множественность голосов, представленных в речевых масках.

Б. Акунин деформирует и без того «марионеточных» героев А. А. Чехова, снимая однозначность трактовки пьесы, заданной в рамках советского классического литературоведения и художественных практик, интерпретировавших текст в постановках.

Второй тип – перевод традиции в новый контекст, когда создается оригинальное произведение. Здесь часто работа ведется с литературным типажом, воплощающим взгляды и ценности эпохи. Классическая русская литература XIX века, благодаря критике, сформу-

лировала три ключевых образа: лишний человек, маленький человек и плут-авантюрист, который может рассматриваться как вариант лишнего человека.

Ведущим внелитературным фактором, определившим обращение к этим литературным и социокультурным типажам современных писателей, стал крах советской идеологии, эстетики и поэтики соцреализма. Там главный герой был включен в жизнь, в социальные отношения. Герой труда и патриот воплощал политический и гражданский идеал: «Читая книги за последние 20–30 лет, особенно хорошо ощущаешь могучую силу положительного героя. Прежде всего он распространился вширь, заполнив всю литературу. Можно встретить произведения, в которых все герои – положительные. Это естественно: мы приближаемся к цели <...> вес персонажи могут и должны быть передовыми, и выводить в такой ситуации каких-то отрицательных типов было бы по меньшей мере странно» [9. С. 61].

На закате советской эпохи появились герои маргиналы, исключенные из системы, точнее существующие в отсутствии системы, на обломках старого мира. Тогда и произошло обращение к классической традиции, ее обновление (тексты новой прозы и драмы «новой волны» 1990-х – 2000-х годов). М. А. Черняк делает обзор типажей героя времени в современной литературе, отмечая эту тенденцию в маргинализации персонажа [12. С. 66–97]. Иными словами, авторы новейшей литературы деформируют этические и эстетические принципы классических текстов, прошедшие канонизацию в соцреализме.

Предлагаем рассмотреть два примера. Сегодня в массовой литературе популярен роман об успешном человеке, в котором главный герой – плут, циник, сознательно разрушающий нормы поведения и проверяющий общечеловеческие ценности, новый Чичиков явился. При этом часто биографии таких героев напоминают историю становления именно Чичикова: хорошие мальчики открывают всю пошлость и жестокость мира, загораются идеей. Например, романы С. Минаева «Media Sapiens. Повесть о третьем сроке», герой – копирайтер Антон Дроздилов, «Духless. Повесть о ненастоящем человеке». Герой-рассказчик работает топ-менеджером в российском филиале крупной компании, занимающейся продажей консервов под брендом «Тандюэль».

По мнению Ольги Лебёдушкиной, С. Минаев, «породил феномен всей отечественной «офисной прозы» – описания жизни молодых, богатых и успешных героев, уставших от потребительского комфорта и страдающих от «королевской грусти»» [6]. Свою статью автор снабжает подзаголовком, также указывающим на травестирование традиции: «Прощай, королевская грусть? О любимчиках и пасынках “нового производственного романа”».

Другой пример – обращение к маленькому человеку. Корпус таких текстов очень велик в современной русскоязычной литературе. Отказ от официального дискурса, жестко регламентирующего место каждого гражданина в системе, открыл путь маленькому человеку, его восприятию действительности, не замутненному идеологиями, концепциями. Маленький человек сегодня – наиболее удачная модель для воспроизводства в литературе личного опыта.

Остановимся на одном из произведений Сергея Шаргунова. В рассказе «Ёлка» даже на повествовательном уровне слышен голос классиков. Главный герой наблюдает за Егором, подростком, живущим в типичном районе на окраине большого города. Мы видим глазами героя-рассказчика его простую, грубоватую душу, подростковый максимализм. Так, например, в новогодние праздники Егор наряжает елку, радуется. Впоследствии читатель узнает, что он «попал в плохую историю» (подросток нападет на торгующих елками – грабит елочных воров, так выражая социальный протест). Перед нами образ маленького человека, данный в восприятии героя-рассказчика, способного к рефлексии, именно ему и принадлежит мысль о сочувствии потерявшему поколению современных молодых людей, которое существует в страшных условиях и в которых оно ничего не получило.

Вновь происходит снятие соцреалистического фильтра с классической традиции: даже неправильный и заблудший герой требует сострадания.

Таким образом, классический текст присутствует в современной русскоязычной литературе, он трансформирован, но его присутствие обеспечивает целостность развития литературного процесса. Мы наблюдаем, как происходит деконструкция соцреалистического варианта классического канона, определившая языковые и эстетические трансформации. Однако сегодня формируется и новый идеологический фильтр, основанный на приоритете чувственно-эмоционального опыта реципиента, – массовая культура, которая требует классики как донора, как поставщика готовых художественных и языковых форм. Данная статья лишь намечает основные пути исследования подобных трансформаций в современной литературе.

Список литературы

1. Громова, М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века [Текст] : учеб. пособие / М. И. Громова. – М. «Флинта» : «Наука», 2009. – 218 с.
2. Загидуллина, М. В. Ремейки, или Экспансия классики [Электронный ресурс] / М. В. Загидуллина // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 69. – URL: <https://e.mail.ru/attachment/1453443695000000959/0;1> (дата обращения: 26.06.2016).
3. Иванчук, И. А. Риторическая категория разговорность в публичной речи носителей элитарного типа речевой культуры: ее специфика и функции [Текст] / И. А. Иванчук // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2004. – Вып. № 1. – С. 5–11.
4. Идеология [Электронный ресурс] : словарь / под ред. А. А. Ивина // Философия: Энциклопедический словарь. – М. : Гардарики, 2004. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/421/%D0%98%D0%94%D0%95%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF (дата обращения: 26.06.2016). – Загл. с экрана.
5. Келле, Ж. В. Идеология [Электронный ресурс] : словарь / Ж. В. Келле // Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – URL: <http://perviydoc.ru> (дата обращения: 26.06.2016).
6. Лебедушкина, О. П. Прощай, королевская грусть? О любимчиках и пасынках «нового производственного романа» [Электронный ресурс] / О. Лебедушкина // Дружба народов. – 2009. – № 10. – URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/10/le13.html> (дата обращения: 26.06.2016).
7. Маркова, Т. Н. К проблеме жанровых номинаций в современной прозе [Текст] : сб. / Т. Н. Маркова // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения / под ред. Н. В. Барковской, О. Ю. Багдасарян, М. Н. Липовецкого. – Екатеринбург. – 2009. – Вып. 11. – С. 115–122.
8. Маркова, Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин) [Текст] : монография / Т. Н. Маркова. – М. : Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2003. – 268 с.
9. Синявский, А. Д. Что такое социалистический реализм (Фрагменты из работы) [Текст] : сб. / А. Д. Синявский // С разных точек зрения. Избавление от миражей. Соцреализм сегодня. – М. : Советский писатель, 1990. – С. 54–80.
10. Тынянов, Ю. Н. Литературный факт [Электронный ресурс] / Ю. Н. Тынянову // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – URL: http://philologos.parod.ru/tynyanov/pilk/poet4.htm#_ww8 (дата обращения: 26.06.2016).
11. Хализев, В. Е. Теория литературы [Текст] : учебник / В. Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 2000. – 398 с.
12. Черняк, М. А. Современная русская литература [Текст] : учеб. пособие / М. А. Черняк. – 2-е изд. – М. : Форум : САГА, 2010. – 352 с.

ELEMENTS OF THE CLASSICS IN THE MODERN RUSSIAN LITERATURE: TRANSFORMATION OF LINGUISTIC AND AESTHETIC CANONS

V. V. Fedorov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, sashagirl93@mail.ru

This article discusses the aesthetic and linguistic transformation in contemporary Russian literature. The author examines the key trends in the interpretation of the classics of the XIX century in the context of socio-cultural and mental changes. Among the main factors include the fight against socialist realism, which became the ideological filter in the perception of classical models. Identification in the post-Soviet literary process, according to the author, was on the way deconstruction of socialist-realist version of the classical canon. The author singles out such methods deconstructed version of socialist-realist classic works: the destabilization of the verbal system, the use of visual and graphic images, language game (pun and stylistic contrast), intertextuality, the use of stereotypes and clichés of pop culture, barbarization (neologisms and tracing paper), a decrease of lexical threshold. The changes were associated with the rejection of the established ideal of socialist realism and the subsequent transition to the idea of plurality, the direct experience of a particular person.

Keywords: contemporary literature, classics, socialist realism, ideological filter, the transformation of language, redefining the aesthetics.

References

1. Gromova, M. I. (2009) *Russkaja dramaturgija konca XX – nachala XXI veka* [=Russian drama of the late XX – early XXI century], Moscow, Nauka, Flinta, 218 p. (In Russ.).
2. Zagidullina, M. V. *Remejki, ili Jekspansija klassiki* [=Remakes, or expansion of the classics], available at: <https://e.mail.ru/attachment/14534436950000000959/0;1>, accessed 26.06.1016. (In Russ.).
3. Ivanchuk, I. A. (2004) Ritoricheskaya kategoriya razgovornost' v publichnoy rechi nositeley elitarnogo tipa rechevoy kul'tury: ee spetsifika i funktsii [=Rhetorical category conversational in public speaking, media elitist type of speech culture: its specificity and function], in: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [=Bulletin of the Tomsk state pedagogical University], vol. 1, pp. 5–11 (In Russ.).
4. Ideologija [=Ideology], in: *Filosofija: Jenciklopedicheskij slovar'* [=Philosophy: Collegiate Dictionary], available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/421/%D0%98%D0%94%D0%95%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF accessed, 26.06.1016. (In Russ.).
5. Kelle, Zh. V. (1983) Ideologija [=Ideology], in: *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* [=Philosophical Encyclopedic Dictionar], Moscow, Sovetskaja jenciklopedija, available at: <http://perviydoc.ru>, accessed 26.06.1016. (In Russ.).
6. Lebedushkina, O. P. (2009) Proshhaj, korolevskaja grust'? O ljubimchikah i pasynkah «novogo proizvodstvennogo romana» [=Farewell to the King's grief? About pets and stepson, «the new production of the novel»], in: *Druzhba narodov* [=Friendship of Peoples], no. 10, available at: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/10/le13.html>, accessed 26.06.1016. (In Russ.).
7. Markova, T. N. K probleme zhanrovyh nominacij v sovremennoj proze [=On the problem of genre nominations in contemporary prose], in: *Sbornik: Russkaja literatura XX–XXI vekov:*

napravljenija i techenija [=Russian literature of XX-XXI centuries: the direction and flow], vol. 1, pp. 155–122. (In Russ.).

8. Markova, T. N. (2003) *Sovremennaja proza: konstrukcija i smysl* (V. Makanin, L. Petrushevskaja, V. Pelevin) [=Modern Prose: design and meaning (W. Makanin, Petrushevskaya L., V. Pelevin)], Chelyabinsk, Izd-vo Mosk. gos. obl. un-ta, 268 p. (In Russ.).

9. Sinjavskij, A. D. (1990) Chto takoe socialisticheskij realizm (Fragmenty iz raboty) [=What is socialist realism (Excerpts from the work)], in: *Sbornik: S raznyh toček zrenija. Izbavlenie ot mirazhej. Socrealizm segodnja* [=From different points of view. Getting rid of mirages. Socialist realism today], Moscow, Sovetskij pisatel', pp. 54–80. (In Russ.).

10. Tynjanov, Ju. N. (1977) Literaturnyj fakt [=Literary fact], in: *Pojetika. Istorija literatury. Kino* [=Poetics. History of literature. Cinema], Moscow, available at: http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet4.htm#_ww8, accessed 26.06.2016. (In Russ.).

11. Halizev, V. E. (2000) *Teorija literatury* [=Theory of literature], Moscow, Vyssh. shk., 398 p. (In Russ.).

12. Chernjak, M. A. (2010) *Sovremennaja russkaja literatura* [=Contemporary Russian Literature], Moscow, 2-e izd., Forum, SAGA, 352 p. (In Russ.).

Федоров Василий Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет.
vvf-82@mail.ru.